

Шэнь Цзялань молча слушал сплетни, и в одном они были правы: когда дело доходило до пересудов, пол не имел значения. Даже молодой господин из знатной семьи, казавшийся элегантным и воспитанным, не был исключением.

Линь Е мягко усмехнулся:

— Даже если вы не любите Чжун Лицина, сплетни о нём за его спиной не заставят его потерять ни кусочка плоти. Напротив, если он узнает, он вполне способен избить вас до полусмерти, верите вы в это или нет.

Все сразу замолчали, понимая, что этот сумасшедший действительно способен на такое. Если бы он действительно избил их до полусмерти, жаловаться было бы некому.

Шэнь Цзялань тоже рассмеялся, и Линь Е воспользовался моментом, чтобы положить ему в рот кусочек фрукта — сладкий и кислый персик.

В этот момент Цзян Синьхун, держа сигарету в зубах, рассмеялся и сбросил свои карты, наконец-то выиграв партию.

Его выражение лица было настолько преувеличенным, что Бай Мо не удержался:

— Ты что за поведение такое?

Цзян Синьхун парировал парой фраз, и таким образом разговор о «плохих словах» в адрес Чжун Лицина был закрыт.

Линь Е также сделал вид, что ничего не произошло, и они продолжили играть в маджонг. Линь Е, выступая в роли сопровождающего, время от времени давал Шэнь Цзяланю «советы», что вызывало тихий смех у остальных.

Шэнь Цзялань сделал вид, что ему неловко, и заявил, что больше не хочет играть, хотя на самом деле ему просто надоело, и он больше не хотел продолжать.

Линь Е занял его место, предложив ему немного отдохнуть, и сделал это с изысканной вежливостью.

Воспользовавшись моментом, Шэнь Цюнь также вернулся за стол, сменив Цзян Синьхун, который, только что выиграв партию, не хотел уходить, но был «вытеснен».

Шэнь Цзялань сел на диван, чтобы отдохнуть, и Цзян Синьхун присоединился к нему. Поскольку Линь Е в этот момент стоял к ним спиной, Цзян Синьхун внезапно сделал Шэнь Цзяланю странное выражение лица, искривив губы в ухмылке, которая выглядела как смешная гримаса.

Шэнь Цзялань всё понял.

Цзян Синьхун явно презирал его, но при этом использовал такие методы, чтобы насмеяться над ним, зная, что он не пожалуется Линь Е. Нет, если бы он действительно пожаловался, это стало бы настоящим зрелищем.

Шэнь Цзялань мысленно отметил это, решив, что когда-нибудь он покажет Цзян Синьхуну, на что способен.

На поверхности же он лишь улыбнулся Цзян Синьхуну недоуменной улыбкой, от чего тот надул губы, недовольный его реакцией.

Шэнь Цзялань съел ещё немного закусок и начал дремать на диване.

Игра в маджонг продолжалась, и со временем ему стало скучно. Он про себя подумал: «Надо было пригласить нескольких красивых девушек, чтобы поцеловаться, потрогать их ноги и немного развлечься, чтобы оживить атмосферу!»

Он предполагал, что эти ребята смотрят на Линь Е и действуют в зависимости от его настроения, но, честно говоря, лицо Линь Е совсем не выглядело как лицо порядочного человека.

Шэнь Цзялань зевнул. Они пришли днём, и прошло уже некоторое время, так что скоро должен был начаться ужин.

Не дождавшись ужина, Шэнь Цзялань полулёг на диван и заснул, хотя неизвестно, был ли это настоящий сон или притворство.

Увидев, что Шэнь Цзялань заснул, игроки в маджонг обменялись взглядами, и Шэнь Цюнь, набравшись смелости, спросил:

— Линь Шао, ты серьёзно? Твоя семья, вероятно, не согласится с этим? Они наверняка захотят, чтобы ты женился на ком-то равном тебе по статусу, а Шэнь Цзялань — мужчина. Твоим старшим будет трудно принять это.

Линь Е улыбнулся, но не ответил, его отношение казалось загадочным.

Шэнь Цюнь сухо добавил:

— У меня нет никаких скрытых мотивов, Шэнь Цзялань на самом деле неплохой парень, к тому же мы однофамильцы, оба Шэнь.

Линь Е слегка постучал по столу фишкой маджонга:

— У меня тоже нет скрытых мотивов. Если он мне нравится, я женюсь на нём.

— Ха-ха, не ожидал, что Линь Шао тоже поддастся чувствам...

После пары раундов Линь Е выиграл партию и больше не хотел продолжать игру.

Он подошёл к дивану и наклонился, чтобы посмотреть на спящего Шэнь Цзяланя. Его изящные черты лица выражали комфорт сна и немного детской наивности, что было очень привлекательно.

Он был создан для того, чтобы его баловали.

Но Линь Е не любил такую мягкость и слабость, как у тепличного цветка — чистого и красивого, но недостаточно, чтобы вызвать в нём желание обладать.

Его предпочтения не изменились: яркая, ослепительная внешность и дерзкий, гордый характер — вот что он любил.

Как у Цзо Юньди.

А Шэнь Цзялань был всего лишь временной заменой Цзо Юньди, и Линь Е был немного доволен, что эта замена оказалась приемлемой.

Линь Е поднял Шэнь Цзяланя на руки и отнёс его в спальню, где положил на мягкую кровать. Как только Шэнь Цзялань коснулся кровати, он бессознательно нашёл самое удобное положение и продолжил спать.

Линь Е лёгко провёл пальцем по щеке Шэнь Цзяланя, задумавшись о чём-то, затем наклонился и прошептал ему на ухо, его голос звучал как заклинание:

— Цзялань, не влюбляйся в меня, так ты не пострадаешь...

Затем он встал, закрыл дверь и ушёл, а Шэнь Цзялань, лежавший на кровати, внезапно открыл глаза, явно услышав слова Линь Е. Он усмехнулся, перевернулся на другой бок и продолжил спать...

Через несколько дней слухи о том, что Шэнь Цзялань — любовник Линь Е, подтвердились, и Шэнь Цзюли каждый раз возвращался домой с кислым выражением лица.

В доме постепенно появлялись вещи, присланные Линь Е, и по всему было видно, что его старший брат действительно выглядел как содержанка.

Линь Е был богат и влиятелен, и все подарки были самыми лучшими: одежда высшего уровня, дорогие украшения, красивые букеты и другие вещи.

Но именно из-за их дороговизны в них не было ни капли искренности, только ощущение формальности.

Например, Линь Е прислал красивый рояль, но он не знал, что Шэнь Цзялань не умеет играть на пианино.

У Шэнь Цзяланя были красивые руки, но эти руки были далеки от изящного искусства. Даже чайная церемония была для него чем-то, чему он научился наспех, лишь поверхностно.

Поскольку рояль уже был доставлен, Шэнь Цзялань отдал его Шэнь Сяочу, который в последние дни играл «Двух тигров», и мелодия постепенно становилась всё более уверенной.

Шэнь Цзялань был доволен, что рояль не пропал даром.

Шэнь Цзюли тоже был в недоумении, в каком-то смысле его старший брат был просто красивой вазой.

Затем он яростно покачал головой: нет, нельзя так говорить о старшем брате, просто он действительно не подходит на роль вазы.

Ведь таланты... старшему брату не нужно учиться всему этому.

— Да, я получил подарки, они мне очень нравятся...

Он говорил мягким голосом по телефону, одновременно метая ножи в фотографию Линь Е, находящуюся в пяти-шести метрах от него. Не сомневайтесь, это была фотография размером с ладонь, и все ножи попали прямо в лицо, что выглядело крайне жестоко.

Шэнь Цзюли, проходя мимо, лишь закатил глаза:

— Старший брат, ты хотя бы перестань притворяться белой лилией?

Как говорится, если слишком выпендриваться, можно нарваться на неприятности.

Шэнь Сяочу был больше всего озадачен. В доме внезапно появилось много подарков, папа каждый день ходит с кислым лицом, а Сяо Лань каждый раз, когда разговаривает по телефону, улыбается очень страшно.

Закончив разговор, Шэнь Цзялань отбросил телефон и приказал Шэнь Цзюли избавиться от фотографии, чтобы не оставлять улики.

В последнее время он жил спокойно и наслаждался такой лёгкостью: смотрел телевизор, ухаживал за цветами, учился готовить, иногда отвозил Шэнь Сяочу на занятия по фортепиано, а остальное время проводил в спортзале, не позволяя себе полностью расслабиться.

Линь Е звонил ему, но наедине им было не о чём говорить, ведь они были практически незнакомцами, видевшись всего пару раз. Линь Е спрашивал, получил ли он подарки, и интересовался, есть ли что-то, что ему особенно нравится, как будто, если бы Шэнь Цзялань попросил, он мог бы достать для него звёзды с неба.

Шэнь Цзялань посмотрел на разноцветные цветы, расставленные по дому, и на рояль, к которому он даже не прикоснулся, и усмехнулся.

Линь Е не понимал его и даже не пытался понять, просто навязывал ему всё, что считал правильным.

Он дал семье Шэнь то, что они хотели, и поэтому считал, что имеет на это право.

Никто никогда не отказывал ему, будь то в даянии или в получении.

Его причинённая боль или милостыня, его требование тела или чувств — всё, что он хотел, никто не мог отказать.

Никогда.

Линь Е считал, что Шэнь Цзялань не станет исключением.

Он ясно дал понять, что может дать Шэнь Цзяланю многое, но не чувства. Чистая сделка была для них лучшим вариантом.

<http://bllate.org/book/15261/1346545>